

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Малиновые горы

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Малиновые горы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=328732

Аннотация

«Сохач сидел на корточках около огонька и наблюдал, как в чугунном котелке, подвешенном на рогатке над костром, быстро таял снег. Старик любил пить воду, добытую именно таким способом, как делают башкиры, – и вода вкуснее, и для здоровья полезнее. Весенний лед, чистый, как слеза, и дробившийся на отдельные кристаллы, как стекло, быстро таял в котелке, и получившаяся вода покрывалась пеной...»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Малиновые горы

I

Сохач сидел на корточках около огонька и наблюдал, как в чугунном котелке, подвешенном на рогатке над костром, быстро таял снег. Старик любил пить воду, добытую именно таким способом, как делают башкиры, – и вода вкуснее, и для здоровья полезнее. Весенний лед, чистый, как слеза, и дробившийся на отдельные кристаллы, как стекло, быстро таял в котелке, и получившаяся вода покрывалась пеной. Напротив Сохача сидела его собака Чуйка и внимательно следила за каждым движением хозяина. Чуйку занимал вопрос, оставит хозяин котелок с водой в снег или положит в него рыбы. На последнее было, правда, мало надежды, потому что до обеда оставалось еще много времени, но Чуйка волновалась каждый раз, когда хозяин оттаивал лед в котелке. Почему бы ему не заварить уху или кашу? От ухи Чуйке доставались рыбы головы и хвосты, а от каши остатки.

– Ну, что ты глядишь-то зря? – заговорил Сохач с собакой. – Ах, глупый ты пес, и больше ничего... Понимаешь:

глупый. Значит, ничего не понимаешь, кроме еды... Разве теперь время есть?

Собака слабо взвизгнула и облизнулась. Это была типичная промысловая лайка – небольшая, но крепкая, с стоявшими ушами, острой мордой, большими темными глазами и круто завернутым в кольцо хвостом. Цвет шерсти у нее был довольно странный – черный с ярко-желтыми пятнами, точно кожа у Чуйки проржавела. Сохач любил разговаривать с собакой и каждый раз читал ей какие-нибудь наставления.

– А кто съел старого глухаря, который жил в осинниках под Малиновой горой? Думаешь, съем и никто не узнает... А перья-то и остались. Ну-ка, что скажешь? Ежели бы глухаря поймала лиса, то она утащила бы его к себе в гнездо вместе и с пером, а твое-то плутовство и осталось. А кто ловит молодых зайчат? Нечего, брат, жмуриться... Известное твоё ремесло. А того не понимаешь, что ежели бы зайчонка поймал волк – он бы его с шерстью слопал, ежели бы лиса или коршун – унесли бы на гнездо. А после тебя заячья шерсть и остается... То-то, брат, очень уж ты у меня плутовать любишь, а хоронить концов не умеешь.

Чуйка выслушивала эти упреки и наставления самым внимательным образом и все понимала. Старик знал о каждом новом преступлении по ее виноватому виду. Тоже совестно, хотя и глупый пес: слопает зайчика и сейчас начнет прятаться, как хороший вор.

Сохач был низенький, худенький, сторбленный старичок с

жиденькой бородкой, слезившимися глазками и утиным носом. Прозвали его Сохачом в насмешку, когда еще он жил у себя в деревне, – сохатым, или сохачом, называют на Урале лося, громадного оленя, у которого под брюхом может свободно пройти маленькая крестьянская лошаденка. Сколько было лет Сохачу – никто не знал. Зимой и лето он жил под Малиновой горой, на берегу громадного озера Карабалык. Он сторожил и богатое рыбное озеро, и караулил лес, и стерег дичь. Поселился Сохач под Малиновой горой лет пятьдесят тому назад и мало изменился за это время. В спутанных русых волосах у Сохача не было ни одного седого волоса, а ему насчитывали на девятый десяток лет. Лесная дача принадлежала Ушкуйским заводам, а озеро башкирам, сдававшим его в аренду купцам-рыбникам. Сохач должен был получать жалованье и с заводоуправления, и с купцов-арендаторов, но никто ничего ему не платил – заводоуправление было уверено, что Сохачу платят купцы, а купцы были уверены, что Сохач получает жалованье с заводоуправления. Но купцы все-таки доставляли старику зимой хлеб и необходимую одежонку, и он жил тем, что плел из черемуховых прутьев угольные коробья, которые продавал углепоставщикам. Все-таки Сохач считал свое жалованье и на особенной липовой палке делал резку, заменявшую ему цифры, – возьмет палку и сейчас скажет, кто и сколько ему должен.

– А ну-ка, дедушка, подсчитай, – шутили купцы, когда приезжали зимой на Карабалык ловить рыбу громадными

неводами. – Возьми-ка свою липовую арифметику...

Сохач брал палку и высчитывал по сделанным нарезам, что ему приходилось получить жалованье за тридцать пять лет. Это составляло довольно кругленькую сумму, потому что по ряду¹ ему обязаны были платить пятнадцать рублей в год, значит, за тридцать пять лет приходилось получить больше пятисот рублей.

– Пора бы уж получить должок... – говорил Сохач, почесывая в затылке.

– Куда тебе столько денег в лесу, дедка? Еще бродяги узнают и убьют тебя... Пусть пока полежат у нас. Вернее дело будет...

Сохач не спорил, потому что ему действительно деньги были не нужны. Его доверчивость и простота постоянно забавляли хитрых купцов, которые считали старика дурачком – не совсем дурак, а из ума выжил. Крестьяне и рыбаки были другого мнения о мудреном старике. По их мнению, это был не простой человек, который только прикидывался простоватым. К нему приходили за советом, когда кто-нибудь был болен или когда случалась беда.

– Уж ты помоги, дедушка... – просили его. – Ты ведь у нас все знаешь. Каждую травку вызнал, которая к чему...

Старик редко отвечал на эти просьбы словами, а пойдет в свою избушку, пороется где-то около печки и вынесет какой-нибудь травки. У Сохача от всякой напасти была своя

¹ Ряда – условие, договор.

травка. Так он многим помогал, и его слава росла. Денег за лечение Сохач не принимал, а любил, если ему приносили яичек или какую-нибудь домашнюю постряпеньку. Зубов у Сохача давно не было, и он любил пожевать мяконькое. Сам он умел варить только кашу из проса да уху – этим и питался. Мясо Сохач не ел совсем и позабыл даже, какой у него вкус.

– А для чего я его буду есть? – удивлялся он. – Грешно это... Все болезни у вас от мяса.

Жил Сохач на «сайме», как называют в средней части Урала рыбацьи избушки. Избушка была небольшая, но зимой, когда неводили рыбу, в ней ночевали человек двадцать рыбаков. Спать приходилось вповалку, и все рады были теплу. Сейчас за избушкой шли два сарая, в которых хранились невода и разная другая рыболовная снасть. В окна избушки было видно все озеро Карабалык и синевшие за ним невысокие горы. Озеро разливалось верст на двенадцать и, как все горные озера, было очень глубокое. Сейчас стоял уже март, снег на озере весь стаял, и посиневший лед сильно надулся. Кое-где показывались первые полыньи. В горах снег еще не думал таять, а если подвергывались теплые дни, когда солнце обтаивало верхний снеговой слой, то ночью он покрывался тонкой, как стекло, ледяной коркой, которая называется «настом».

Именно в такое светлое мартовское утро и сидел у огонька старый Сохач. В воздухе уже чувствовалась весна, хотя кругом а белел снег. Старик каждый год встречал весну, как до-

рогой праздник, и радовался, что еще раз полюбуется и светлым красным солнышком, и зеленой травушкой-муравушкой, и лазоревыми цветиками, и разной перелетной пташкой. Ох, что только и будет на озере и в горах...

– Скоро, Чуйка, птица полетит, – говорил Сохач, снимая котелок с огня. – Да, брат... Будет нам с тобой праздник. Ты хоть и бессовестный пес, а тоже чувствуешь... Вот уж мы с тобой наладим скворечник...

Сохач любил думать вслух и разговаривал с собакой, как с человеком. Это было и понятно, потому что нельзя же было молчать по целым месяцам, когда старик оставался один. Чуйка садилась против него и слушала терпеливо.

– Да, наладим скворечник, Чуйка, пора уж... Налетят скворчики, будут гнездышко вить, будут птенчиков выводить...

Слушавшая собака вдруг насторожилась и повернула голову к горе. Сохач тоже остановился на полуслове. Где-то далеко гукнул ружейный выстрел и покатился по горам громким эхом.

– Ах ты, господи!.. Кому бы это стрелять? Ведь стреляли, Чуйка?

Собака тревожно взвизгнула, – она знала выстрелы и слышала лучше. Старик пошел в избушку, надел шапку, взял ружье и проговорил:

– Ну, Чуйка, пойдем искать... Кто-то шалит в лесу. Тоже нашли время... Кого теперь стрелять-то? Креста нет на лю-

дых... Ах ты, господи-батюшко...

Наблюдая собаку, Сохач понял, что выстрел был сделан по левую сторону Малиновой горы, где по обочине шли осиновые заросли. Он только покачал головой.

– Тарас Семеныч балуется? – спросил он собаку.

Чуйка утвердительно взвизгнула. Она различала выстрелы из разных ружей.

– Ну, так и есть... – бормотал старик, тяжело ступая по снеговой тропе. – Вот человек!.. И задам же я ему... Какое теперь время-то? А?..

II

Идти до саймы Тараса Семеныча нужно было версты две. Сначала тропа пролегала по берегу озера, а потом взбиралась на обочину Малиновой горы. Сохач торопился и тревожно оглядывал блестящий на солнце снег. Наконец он остановился и проговорил:

– Так и есть!.. Ах ты, господи... Да что же это такое?

Только опытный глав старого лесного сторожа мог решить сразу, в чем дело. Покрытый настом снег отлично сохранил следы отчаянной погони. Ледяная корка точно была протыкана колышками, а по ним лентой шел след охотничьих лыж. В двух-трех местах по снегу виднелись капли свежей крови. Чуйка обнюхала след лыж и радостно взвизгнула, – она узнала по запаху Тараса Семеныча. Нужно сказать, что собака любила этого неисправимого охотника, от которого иногда ей кое-что перепало. Чуйка время от времени ходила к нему даже в гости, чтобы поглотить косточек, а иногда и стащить что-нибудь, что плохо лежало. Дома, кроме рыбы, ничего не добудешь, а на сайме Тараса Семеныча еще издали пахло мясом. Старик любил поохотиться, и дичь у него не переводилась.

– Да, да... – повторял Сохач, шагая уже прямо по снегу. – Ах, идол... Это он козу по насту гнал... вот она уже умаялась, сердечная, и начала петли делать... А ножки в крови...

больно...

Чуйка забежала вперед, остановилась у взрытого снега и жалобно завывала. Снег был утоптан и залит пятнами крови. Очевидно, несчастная дикая коза была убита здесь, и Тарас Семеныч прирезал ее тут же на снегу. От пули не было бы столько крови. «Видно, промахнулся, идол...»

Сайма Тараса Семеныча была скрыта ельником, который дружной семьей высыпал на озерный мыс. Озеро называлось Ала-Куль (пегое), потому что по заводям и излучинам было покрыто широкими полосами болотистых зарослей. Карабалак было просторнее и чище, хотя в Ала-Куль рыбы благодаря зарослям было гораздо больше. В этих зарослях пряталась рыбная молодежь, пока не вырастала в настоящую рыбу. Еще издали было видно, как над ельником, окружавшим сайму Тараса Семеныча живой зеленой стеной, поднимался синей струйкой дымок.

– Ишь обрадовался... – ворчал Сохач, с трудом шагая по снегу. – Козу зарезал и печку затопил... Ни жалости, ни совести, а только свою утробу тешит.

Чуйка с радостным лаем унеслась вперед, предчувствуя хорошую поживу.

Тарас Семеныч, рослый старик с седой бородой, сидел перед своей избушкой на корточках и свеживал только что убитую козу, от которой еще шел пар.

– Ну тебя, Чуйка... – ворчал он на собаку, которая с визгом начала вертеться кругом него. – Чему обрадовалась-то,

глупая?

Появление Чуйки не понравилось Тарасу Семенычу, и он с тревогой посмотрел на ельник за саймой. Наверно, сейчас и Сохач приплетется... Учужал, колдун!.. Вот тоже навязался сосед – умереть спокойно не даст. Действительно, минут через пять показался из ельника и Сохач.

– Вот чертушка-то принесло... – ворчал Тарас Семеныч, поднимаясь, и прибавил громко: – Здравствуй, Сохач...

– И ты здравствуй, Тарас...

Гость подошел к убитой козе, потрогал ее ногой, покачал головой и проговорил:

– Кровь... большой грех...

Тарас Семеныч молчал, почесывая в затылке. Ну, теперь начнет Сохач душу выматывать.

– Што это? – спрашивал Сохач, опять трогая козу ногой.

– Как што? Разве не видишь: коза...

– А кто ее убил, козу?..

– А ты думаешь, што я? – быстро заговорил Тарас Семеныч. – Я вот тут около избы утром-то подбираю дрова, а под Малиновой как кто-то запалит... Ну, я туда... Бегу, даже задохся, и вижу, как человек какой-то бежит в гору... Это он, значит, меня увидал, испугался и убежал. Ну, а коза лежит на снегу убитая. Я ее и того... Чего, думаю, пропадать напрасно добру? Взял да вот и принес сюда... Только и всего.

– Ах, Тарас, Тарас... И козу, божью тварь, зарезал, и меня обмануть хочешь...

– Да вот сейчас с места не сойти, Сохач!.. И не думал убивать козу... На што она мне? Эка невидаль, подумаешь... Слава богу, достаточно видал этих самых коз в лесу. Даже сколько угодно...

– Значит, видел человека, который застрелил ее?

– Своими глазами видел, вот сейчас провалиться... Как увидел меня, и сейчас в гору побежал.

– Так, так... А как же следов-то после него не осталось, Тарас? Я все время шел по твоему следу – и он вывел на сайму. Вот ты обманываешь меня, а след всю правду сказал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.